

УДК 130.2:35.082.23(571.5)

**НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА***д-р культурологии, проф. В.Л. КУРГУЗОВ**(Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия)*

Предлагается авторская версия феномена национального культурного пространства; дается характеристика особенностей его структуры и возможных границ демаркации. Ключевыми факторами однородности национального культурного пространства автор определяет государственно-территориальную общность людей и совпадение основных жизненных интересов, которые составляют основу духовной целостности нации. Акцентируется роль национального языка в качестве важнейшего содержательно-го элемента национального культурного пространства. Рассматривается национальная идея как комплекс базовых идеалов национальной культуры, обеспечивающих её социокультурную целостность.

Введение. В 2002 году в Улан-Удэ прошла Международная научно-практическая конференция «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии». В Материалах этого научного форума опубликован доклад «О понятии “культурное пространство” и проблемы самоидентификации ее регионального образца» [1], в котором сделана попытка актуализировать феномен и раскрыть его сущность. Парадоксально, но ни в «Большой Советской Энциклопедии», ни в «Краткой философской энциклопедии» (М., 1994), ни в 2-х томной энциклопедии «Культурология. XX век» (СПб., 2007) нет даже упоминания об этой важной культурологической категории, а философские сочинения, где она встречается, уводят нас далеко от сущности самого понятия.

Что есть пространство культуры? По мнению доктора философских наук Ф.Т. Михайлова, это «наше живое, постоянное сотворение общего места для изначально отзывчивого смыслочувствия», общее пространство «обращенности людей друг к другу», а также «понимание и интерпретация в техническом плане, которые могут иметь разные варианты, разные формы», в принципиальном отношении сливаясь в одно» [2, с. 160]. Представляется, что эту мысль академика Российской академии образования студенты и аспиранты понимают с трудом... Сложилась парадоксальная ситуация: феномен «культурное пространство» реально существует, не отрицается, на него ссылаются, но теоретически он остается слабо осмысленным.

Попытаемся обосновать этот феномен, опираясь на собственный критический рассудок; из-за отсутствия лучшей дефиниции многие аспиранты и культурологи сегодня используют в своих диссертациях и публикациях определение, предложенное в [1].

Цель данного исследования – проанализировать сущность понятия «национально-культурное пространство» (НКП). Публикаций о НКП немного, однако у этой культур-философской категории большое будущее, на наш взгляд, обусловленное неумолимой глобализацией, при которой объединяются уже не только национальные валюты, а ломаются стереотипы и национальные государственные границы, бурно растет число межнациональных браков, тому убедительный пример – современная Европа.

Основная часть. В культурологических дисциплинах (философии культуры, культурологии, культурной антропологии) *национальная культура* выступает как форма бытия нации, способ ее исторического существования, воспроизводства и развития. У российских аналитиков нет разногласий, поскольку существование нации исторически сопряжено с возникновением буржуазной государственности, то и национальное культурное пространство должно совпадать с границами государства. Однако это не так, что становится понятно в процессе анализа данного феномена.

Начнем с того, что первоначально НКП формируется территориально: как сфера жизнедеятельности оседлых народов и как условие реализации их жизненных интересов. Прежде всего, оно проявляется как языковое пространство совместной деятельности людей, общей системы коммуникации и топонимического освоения природной среды. Национальные территории характеризуются компактностью проживания этноса, развитием собственной инфраструктуры и направленной во внешнюю среду экономической и политической активностью людей при освоении жизненно важных ресурсов. Установление общего правового пространства, представляющего собой сферу договорных взаимоотношений, является ключевым фактором формирования нации как в плане государственной независимости, так и при развитии институтов гражданского общества.

Между тем не бывает правил без исключений... Культурное пространство России, например, изначально формировалось как *надэтническое*, что стало основой не только для мощного духовного подъема культур различных народов, но и сделало Россию важнейшим субъектом мировой культуры. Следует согласиться с мнением некоторых российских ученых (например, московским философом Н.А. Кочерги-

ным и др.), которые не без оснований считают, что исторически Россия формировалась как цивилизация с нечетко отрефлексируемыми смысловыми структурами и ценностными ориентациями. Это во многом определялось спецификой переплетения разных культур и религий, отсутствием четко организованных связей между ее регионами [3]. Даже если допустить, что так есть на самом деле, то российское национально-культурное пространство, как утверждает московский философ М.Я. Сараф, «пусть даже при определенной рыхлости своей, имеет достаточно четкие демаркации, указывающие на целостность ее образования, равно как и ее место и роль в мировой культуре» [4, с. 29].

В порядке *первого промежуточного вывода* подчеркнем, что ключевым фактором гомогенности (однородности) НКП являются государственно-территориальная общность социальных групп и совпадение составляющих нацию основных жизненных интересов как основы ее духовной целостности.

Вторым ключевым фактором становления НКП выступает язык национальной культуры. Любое многообразие в лингвоэтнических и региональных различиях, а следовательно, и в духовно-эмоциональном строе составляющих нацию групп обуславливают гетерогенные факторы НКП, что позволяет выделять в нем этнонациональные, региональные и многие другие пространства культуры. Характерная особенность здесь состоит в том, что между ними диапазон и качество взаимодействия может выражаться по-разному – от состояния слитности и единства до состояния взаимоисключения.

Поскольку культура есть сложное многоструктурное и многоуровневое явление, то она, естественно, пронизана разного рода границами. В философии культуры и культурологии распространен взгляд на культуру как на систему границ, каждая из которых наделена своей избирательной и пропускной способностью отделять «свое» от «чужого», очищать пространство культуры от внешнего хаоса, «шума». По мнению Ю.М. Лотмана, культура относится к внешнему как к тексту на чужом языке, переводит его на свой язык, структурируя тем самым внешнее пространство по отношению к себе [5]. С этой точки зрения семиотические границы выступают основной сигнатурой (указателем, маркером) культуры. Функция культурной границы при этом тройкая: *во-первых*, отделять «свое» от «чужого»; *во-вторых*, помещать это «чужое» в своеобразный карантин; *в-третьих*, преобразовывать тем самым это «чужое» в «наше».

Обращаясь к этой загадочной триаде, в частности в статье «Свое – Чужое – Наше как алгоритм развития культуры» [6], сделан следующий вывод: определить, что в культуре «Свое», а что «Чужое» – сложно. У человека кроме его телесности и сугубо личных (чистых, без постороннего влияния) креативных идей и деяний вообще все «чужое», «подброшенное» культурой. По своему происхождению чистую (без заимствований) культуру обнаружить никому не удалось. Такой культуры просто нет. Она всегда конгломерат «Своего» и «Чужого». На примере заимствований в языке можно заметить, что дихотомия «Свое» – «Чужое» с течением времени сливается в диалектическом единстве, порождая триаду «Свое – Чужое – Наше». Время разбрасывать камни прошло, пора их собирать... «Сегодня в чужой культуре надо искать не то, что нас разъединяет, а то, что нас объединяет. Последнего – всегда больше. В итоге мы получим гуманное «Наше» [6, с. 109].

Важно, что наше сознание различает пределы человеческого бытия и, естественно, обращается к содержанию того, что находится за его пределами. Именно так и включается в структуру культурного пространства содержание «смежности», «соседства». Первоначальная форма такого различия выражалась мифами. В мифологии всех этносов есть представление о «Другом мире», соответственно, о «междумирье», или пограничной зоне между мирами, в которую человек способен проникать, где может общаться с другими, находить способы решения своих проблем, черпать там такие желанные сегодня культурные инновации. Кстати, в культурной антропологии существует специальный термин *«трикстер»*. Он обозначает фигуру «нарушителя границы», зачастую играющего роль культурного героя, задающего смыслы жизнедеятельности, типы поведения, образ «настоящего» или «подлинного» человека.

В научных дискуссиях о феномене НКП практически всегда возникает вопрос: если существуют трикстеры, то, стало быть, существуют и сами границы национально-культурных пространств? На него можно ответить только утвердительно. Границы существуют не только между разными НКП, но и между составляющими эти пространства, между уровнями их структурной организации, между его институтами и субъектами, между историческими этапами развития НКП.

Остро вопрос о границах встает в кризисные периоды, когда общественное сознание характеризуется так называемый «комплекс кануна» – «катастрофическое сознание». Представляется, что это состояние не только россияне, но и граждане различных республик бывшего Советского Союза переживали на рубеже веков; думаем, что пережили не окончательно. Исследователи считают, что эсхатологические настроения обычно усиливаются на стыке тысячелетий. Все возросшие переживания и ожидания, захватывающие различные сферы культуры, особенно остро проявляются в формах религиозного, художественного и философского переосмысления бытия, в стремлении выработать стратегию «перехода» в другое качество. Современный российский философ А.М. Бахтызин назвал такое состояние *лиминальным*, то есть пороговым, граничным [7]. Оно характеризуется как ожиданием перехода, так и принципиальным сдвигом в структуре культуры, в общей направленности социокультурных процессов.

Справедливо отметил М.Я. Сараф: «Особенность современной лиминальности в том, что если для предшествующих культурных эпох <...> перспективная цель была более или менее обозначена и, следовательно, граница перехода как-то различалась, пусть даже в утопическом видении, то сейчас такая цель отсутствует» [4, с. 31]. Этот вывод бесспорен, ибо строительство коммунизма в СССР, например, пусть даже в идеальном образе, но было публично продекларировано и обозначено временными вехами. Сегодня о перспективах будущего предпочитают молчать, ограничиваясь локальными целями. Цель заменяется плюралистичностью и относительностью... «потребного будущего». Естественно, не может не встать вопрос о граничных характеристиках национальной культуры как способа бытия исторической общности, называемой нацией, об исторических перспективах такого бытия.

Границы НКП не могут быть определены с такой же строгостью как государственные границы, они соотносятся условно, так как ни у одного государства не было и нет монополии на культурное самоопределение людей. Наиболее устойчивыми показателями пространственных границ выступают государственный суверенитет и функционирование государственного языка. Пространство культуры может выходить как угодно далеко за пределы государственно-национального образования. Убедительным примером служит культурное пространство находящихся в составе России республик Бурятии и Тывы. Они граничат с Монголией, а родство культурных корней этих коренных народов Азии очевидно. Эта же закономерность отчетливо прослеживается и в культуре значительного числа населения так называемых самопровозглашенных в Украине республик Новороссии – Донецкой и Луганской, обстановка в которых сегодня тревожит весь мир.

Конфигурация границ НКП может меняться: расширяться в географическом плане по мере развития экономических и коммуникационных инфраструктур, в ментальном плане – по мере роста производства общезначимых духовных ценностей, повышения их функциональной значимости в жизнедеятельности народов. Национально-культурное пространство может «истончаться» и «разрезаться», сохраняясь территориально; но может, утрачивая территорию, достигать высокой степени концентрации и напряженности. Именно таким образом оно пульсирует. Внимание на это явление обратил Л.Н. Гумилёв, выдвинув концепцию *пассионарности*, согласно которой этнос способен в определенное время достичь пика своей активности [8].

Аксиоматично, что для подъема народного духа особое значение приобретает *национальная идея*, которая может быть сформулирована и осознана людьми, но, в первую очередь, подтверждает и проявляет себя на социально-психологическом уровне, становится мощным фактором формирования НКП. Таковыми, например, были идеи русского патриотизма во время становления российской государственности; объединение русских земель сначала вокруг Киева и Новгорода, а затем Москвы; мобилизующий призыв Минина и Пожарского к освобождению России от польского нашествия. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) общенациональной идеей сплочения людей стал призыв: «Все для фронта – все для Победы!» Наивно полагать, что национальная идея может быть кем-то придумана и навязана народу, хотя попытки предпринимались. Например, лозунг Н.С. Хрущева «Догоним и перегоним Соединенные Штаты Америки» не отражал настроения советских людей. Абсурдным был лозунг М.С. Горбачева «Экономика должна быть экономной». А какой же еще она должна быть?.. Эти предлагаемые властями структурами народу «гримасы» не стали выражением национального духа именно на социально-психологическом уровне.

Наличие национальной идеи свидетельствует о высоком духовном, творческом потенциале народа, о его способности к консолидации, к мобилизации для преодоления объективных трудностей. Национальная идея не только генерирует своё культурное пространство, а сама вырастает из смутных, слабо осознаваемых интенций становящейся национальной общности. В то же время возникновение национальной идеи решительно преобразует ценностные основания культурного пространства: создается сигнатура (маркер) культуры – его условный центр, ориентирующий, генерирующий и распространяющий основные смыслы жизнедеятельности нации. Что понимать под национальной идеей? Представляется, что это комплекс базовых идеалов национальной культуры, обеспечивающих её социокультурную целостность. Иными словами, *национальная идея* объединяет общество, отодвигая на задний план существующие социально-политические, социокультурные и этнонациональные различия между людьми.

Заключение. Характер соприкосновения и взаимодействия национальных культурных пространств зависит от конкретных целей, возникающих перед нациями и государствами в конкретные исторические периоды их существования. Достаточно легко взаимодействуют культуры, близкие по своему историческому происхождению, что, как правило, вызвано территориальным соседством. Пример тому – национально-культурное пространство России и Беларуси или Монголии и Бурятии. Но бывают случаи, когда даже относительно слабое воздействие определённых ценностей одной национальной культуры на другую оказывается разрушительным.

Стремительное развитие средств коммуникации в современном мире открывает перед народами перспективы для диалога культур, для сближения национально-культурных пространств. Могут ли возникнуть негативные последствия такого диалога?.. Могут, но опасаться, на наш взгляд, нужно иного, а именно культурной унификации, которая низводит до уровня фольклора национальное своеобразие, превращает культуру потребления в товар, обмениваемый на рынке, где все ценности, складываясь, взаимно аннулируются, а вместо «диалога культур» возникает «обмен продуктами культуры». Это предсказывал ещё Клод Леви-Стросс, говоря по поводу «фальшивого эволюционизма»: Современный человек старается понять различие культур, одновременно уничтожая то, что в них его не устраивает [9].

Таким образом, национально-культурное пространство весьма динамично, не имеет четких границ, а весь спектр взаимодействия национальных культур можно поместить между полюсами, а именно сотрудничества-толерантности и неприятия-нетерпимости. Очевидно, созидательная задача состоит в том, чтобы с помощью общих культурных ценностей сближать народы, воспитывать уважение друг к другу, прививать идеалы гуманизма, альтернативы которому нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кургузов, В.Л. О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионального образца / В.Л. Кургузов // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 15 мая 2002. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. – С. 27–33.
2. Михайлов, Ф.Т. В пространстве культуры: внутри нас нет ничего; все, что в нас, все снаружи / Ф.Т. Михайлов // Постигание культуры: ежегодник Рос. ин-та культурологии РАН. – М., 2000. – Вып. 10. – С. 160.
3. Кочергин, Н.А. Национальная безопасность России в условиях глобализации / Н.А. Кочергин // Обеспечение государственной безопасности: история и современность: материалы междууз. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. – М., 2007. – С. 35–42.
4. Сараф, М.Я. Национально-культурное пространство и его границы / М.Я. Сараф // Этика будущего: аксиология устойчивого развития: материалы Байкальского филос. форума, 14–15 авг. 2008 г. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2008. – С. 28–39.
5. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII начала XIX в.) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994. – 417 с.
6. Кургузов, В.Л. Свое – Чужое – Наше как алгоритм развития культуры / В.Л. Кургузов // Культура и цивилизация. – М.: Изд-во «Родос», 2011. – № 1. – С. 109–125.
7. Бахтызин, А.М. Граничные формы бытия современной культуры / А.М. Бахтызин // Философия и будущее цивилизации: тез. докл. и выст. IV Рос. филос. конгр. Т. 4. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 252–253.
8. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
9. Леви-Стросс, К. Три вида гуманизма / К. Леви Стросс // Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

Поступила 02.04.2015

NATIONAL CULTURAL SPACE: ON THE PROBLEM OF THE THEORETICAL CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON

V. KURGUZOV

The paper presents the author's point of view on the characteristics of the phenomenon of a cultural space, the specifics of its structure and borders, as well as a role of a national language, as the most essential element of a national cultural space, and the place and the role of a state in its development.